

УДК 811.112.2'37

ЛАСКАТЕЛЬНЫЕ ВОКАТИВЫ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Постановка вопроса. Ласкательные вокативы представляют собой лексические единицы, выражающие в своей семантике положительно оценочное отношение к партнеру, которому приписывают определенные добродетели, внешние и внутренние, их примерами могут служить слова *Schatz/Schätzchen*, *Liebling*, *Herz*, используемые в ситуации интимного общения. Такое индивидуальное название любимого человека имеет древнюю традицию и подчеркивает особенности адресата, его непохожесть на всех остальных, выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического названия партнера при близких отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [4, с. 27]. Выражая свои нежные чувства, коммуниканты при создании новых ласкательных вокативов проявляют блестящие творческие способности; используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что речь влюбленных просто «кишит» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen! Du hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr?; Aber es wird vorüber gehen, denn ich habe ja dich. Dich, du meine geliebte Frau!* В риторике влюбленных эти слова звучат как музыка сфер. М. Шнайдер называет их афродизиаками: влюбленные все время повторяют их, наслаждаясь их звучанием, они наркотизируют себя таким образом [5, с. 140]. Взаимное «переименование» всегда индивидуально, вокатив не имеет порой общепринятого лексического значения, но это не мешает ему выполнять свою главную функцию – поднять близкого человека над повседневностью.

Непреодолимая важность этой группы лексических единиц обусловила актуальность настоящей статьи, имеющей целью обратить лингвистический взгляд на уникальную семантику ласкательных вокативов, а именно: определить деривационные (семантические и словообразовательные) потенции ласкательных семем, используемых носителями немецкого языка, обосновать ценностные предпочтения социума в интимной сфере общения.

Семантическая деривация. Разнообразные лексико-семантические варианты ласкательных вокативов связаны между собой отношениями семантической деривации, к которой принято относить довольно широкий круг преобразований, самым частым и традиционным из которых является перенос наименования - метафора и метонимия. На основе метафорического/метонимического переноса рождаются корневые ласкательные вокативы, которые по своей семантике могут быть разделены на следующие группы обозначений:

1. Слова-фаунонимы, представляющие собой зоосемантические метафоры, эллиптированные сравнения, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) - устанавливаемая эмпирическим путем общность поведения, внешних признаков, ощущений от восприятия двух объектов. Так, для метафоры *Maus*, употребленной по отношению к женщине, аспектом сравнения являются внешние качества: ей приписывают признак небольшого размера, проворности. Тем самым одновременно познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл: вокатив *Maus* приобретает формальное значение "маленькое безобидное существо, нуждающееся в защите и заботе". При ласкательном употреблении слова *Bär* перенос осуществляется по признаку "большой, сильный", метафорический вокатив *Hase* основывается на признаке "мягкий, пушистый", возможно, не последнюю роль играет признак "половоактивный". *Tertium comparationis* при ласкательном употреблении слова *Tiger* является сила и дикий нрав, слова *Biene* - трудолюбие, слова *Katze* - изящность, слова *Spatz* - небольшой размер.

Названия животных в группе фаунонимов можно условно разделить на две подгруппы. С одной стороны в качестве вокативов употребляются зооморфизмы, обозначающие крупных, хищных животных, которые в природе несут высокую степень опасности (*Tiger, Bär, Löwe*). Очевидно, что эти ласковые обращения направлены мужчине, и хотя их выбор происходит чаще всего интуитивно, за ними обязательно скрывается внутреннее (глубинное) семантическое согласование: такая метафорическая номинация "приручает" мужчину, большого и сильного во внешнем мире, способного за себя постоять в жизни, превращает его в безобидного "зверя".

С другой стороны, большая группа ласкательных фаунонимов включает слова, называющие небольших зверушек, птиц и насекомых (*Biene, Hase, Spatz, Igel, Küken*). Анализ слов этой группы показывает, что для использования лексемы-фаунонима в качестве ласкательного вокатива совершенно неважно, чтобы образ представителя фауны идентифицировался в сознании говорящего с положительными аксиологическими и эмоциональными характеристиками. Некоторые вокативы - наименования небольших животных/насекомых (как *Maus, Käfer, Frosch, Laus, Wurm, Motte, Cobra*) вызывают при изолированном назывании скорее отвращение или страх, чем любовь, поэтому их появление не вписывается в классическую теорию метафоры - постулированным сходством между первым и вторым обозначаемыми. Наличие таких странных, на первый взгляд, ласкательных обращений объясняется влиянием факторов ситуативного и контекстуального характера: внимание номинирующего концентрируется на определенной детали, которая в исходной ситуации привлекает наибольшее внимание или имеет основополагающее значение: например, природная беспокойность адресата (*Wurm*), ядовитая язвительность (*Cobra*), беззаботность (*Motte*) и др.

Зависимость характеризующего значения метафоры от варианта образного воплощения предопределяет использование при отражении одного и того же предикативного признака разных ассоциативных образов: вспомогательные субъекты в ласковых обозначениях партнера фаунонимами,

называемыми небольшими животными или птицами (*Hase, Maus, Kücken, Spatz*), не обладают контекстуальной взаимозаменяемостью, несмотря на общее значение (небольшой размер), поскольку названные вокативы имеют в системе национальных ориентиров различную коннотацию: в первом образе (*Hase*) небольшой размер сочетается с мягкостью, пушистостью, во втором (*Maus*) – с проворством, в третьем (*Kücken*) есть дополнительное указание на беспомощность, в четвертом (*Spatz*) - на задорность, непоседливость. Выбор лексемы в качестве ласкательного вокатива определяется только субъективным отношением говорящего к объекту сравнения.

2. За анималистическим обозначением любимых следует группа имен, в основе которых находятся метонимический перенос названия эротически привлекательных частей тела как *Muschel*, часто скрывающихся за диминутивными эвфемизмами: *Öffchen, Luftballönli, Paketchen, Pfläumchen, Artischöckchen*. Эротика, относящаяся к области эмоционального, являющаяся вершиной в отношениях пары, обладает огромной продуктивностью при создании новых слов и значений, специфических терминов соблазна, поэтому частный эротический лексикон влюбленной пары может быть очень богат.

3. Слова-названия сладостей: *Honig* и др. Причина появления таких "сладких" вокативов очевидна: сладкое - источник гормона счастья, влюбленные рассматривают друг друга как сладкий десерт (это в какой-то мере связано с эротическими играми) и вербализуют в ласкательных именах искреннюю надежду на близость и обоюдные удовольствия. Кондитерские пристрастия не всегда уточняются, все многообразие возможного "сладенького" обобщается в вокативах *Süße/Süße (Sweet/Sweety)* или просто *Leckerchen*.

4. Слова-имена мифологических героев, библейских и сказочных существ (*Aphrodite, Amor, Amazone, Zeus, Venus; Engel, Fee, Cinderella, Dornröschen, Elfe, Nixe* и др.). Собранные в эту не очень распространенную группу мифонимы (онимические номинации) обозначают вымышленных, существующих лишь в воображении героев, которые однако прочно закрепились в сознании и

наделяются определенными типичными для них качествами. Так, имя *Aphrodite* ассоциируется у каждого с представлением о необыкновенной красоте, *Amazone* - с представлением о независимости и т.д. Естественно, что для ласкательных номинаций выбираются герои, которые ассоциированы с однозначно положительной оценкой в сознании носителей языка. Налицо обожествление влюбленными друг друга, наделение друг друга сверхчеловеческими качествами, способностью сделать жизнь светлее, внести в нее элемент мечты, сказочности.

В этой же группе ласкательных метафор следует обозначить фикциональные имена - имена героев художественных произведений и кинофильмов, реже имена реальных людей, прославившихся чем-либо (*Alcapone, Alibaba, Casanova*). Прецедентные имена, используемых в нарицательном значении для характеристики партнера, имплицитно импонирующие говорящему качества, как, например, у Казановы - сексуальная неистощимость, с одной стороны, и чувственность, сентиментальность, с другой стороны.

5. Слова-названия небесных светил: *Stern, Sonne*. Небольшое количество слов этой семантической группы с лихвой компенсируется их "высотой", недостижимостью. Возлюбленный/ая рассматривается как центр Вселенной, как путеводная звезда, освещающая путь. Возможно, в использовании таких метафор проявляется некая "предписанность" романтической любви, о которой много говорят исследователи: любовная литература формирует наши представления о том, какой должна быть любовь и как она должна "произноситься".

6. Слова-названия драгоценных камней и металлов, обозначения сокровища в целом: *Schatz, Rubin, Juwel*. Причина появления таких ласкательных вокативов не вызывает сомнений - золото и драгоценные камни испокон веков играют огромную роль в истории человечества, из-за них начинались войны, менялись правительства, египетские фараоны уносили их с собой в загробную жизнь. Древние ацтеки считали, что золото излучает

божественную силу, истекающую от солнца. Называние любимого человека сокровищем поднимает его на невидимый пьедестал, бессознательно превращает его в объект слепого поклонения (ср. "поклонение золотому тельцу"). В использовании этой метафоры, особенно в сочетании с притяжательным местоимением, проявляется стремление владеть любимым человеком, как владеют сокровищами. Р. Барт писал о состоянии, когда влюбленный "без конца хочет присвоить в той или иной форме любимого человека" [2, с. 149]. Неудивительно, что ласкательный вокатив *Schatz* является самым распространенным среди возможных в языке немецкоговорящих влюбленных.

8. Слова-названия растений - флористические метафоры. Цветочная метафора в качестве ласкательного вокатива (от гиперонима *Blume (Blumlein)* до самых разнообразных гипонимов: *Butterblume, Gänseblümchen, Glitzerblume, Honigblume, Kirschblüte, Maiglöckchen, Kaktusblümchen, Rose*) адресована, безусловно, женщине: цветы являются олицетворением радости, нежности, изящества. Наиболее любимым цветочным образом в интимном общении является роза с вариациями *Röschen, Rosenblüte, Roserle*, цветок, с одной стороны, символизирующий божественное совершенство, гармонию и олицетворяющий, с другой стороны, земную страсть и чувственность.

9. Слова-названия мягкого, приятного на ощупь материала или его элементов - ворсинок, ниточек, пуха: *Fussel, Fuzzi, Flauschi* и т.п. Появление таких ласкательных вокативов объяснимо - нежное прикосновение к коже - одно из самых приятных ощущений, которые нам дано испытать, это фундаментальный язык любви. Называние партнера элементом объективного мира, способным доставить тактильное наслаждение, основано либо на личном тактильно-эротическом опыте пары, либо на особенностях внешности одного из партнеров (например, пушистые волосы).

Словообразование. Метафорические преобразования значения часто сопровождаются активными словообразовательными процессами. Перенос наименования с предмета или животного на обозначения человека является,

безусловно, эффективным способом характеристики последнего, но часто оказывается недостаточным для выражения интимного положительного отношения к субъекту оценки. В таких случаях эмоциональное воздействие метафоры усиливается посредством прибавления к ней еще одной положительно заряженной семы, создающей новый ласкательный вокатив (*Herzschnuppe*, *Mondscheinengel* и т.п.), и уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen*, *-lein*, *-i*, *-le/-li*, *-che/chi*, *-erl*, вносящих в семантическую структуру слова эмоциональную оценку положительного свойства: *Mausi*, *Tigerchen*, *Katerle*, *Hasilein*, *Hascherl*. Важно подчеркнуть, что наличие диминутивного суффикса не ограничивает семантику ласкательного вокатива "уменьшением" размера партнера (*Tigerchen = ein kleiner Tiger*), эта функция нейтрализуется при использовании зоометафор от наименований животных, имеющих априори небольшой размер (*Mausi*, *Hasilein*). Диминутивные суффиксы в таких словах реализуют скорее свое второе - ласкательное - значение, актуализируют эмотивное отношение говорящего к партнеру, выражают ласку, симпатию. Очевидна специфическая прагматичность ласкательных вокативов с диминутивными суффиксами, включение адресата в личную сферу говорящего [1, с. 146].

Необыкновенно разнообразны словообразовательные модели сложных (составных) ласкательных вокативов, которые, как правило, являются определительными композитами. Каждая из названных выше семантических групп ласкательных вокативов имеет специфический перечень детерминирующих компонентов. Например, для зоометафор характерны в качестве определяющих **отглагольные** морфемы *Bumse-*, *Schmuse-*, *Kuschel-*, *Knutsch-*, *Knuddel-*, отсылающих наше восприятие к действиям влюбленных в ситуациях интимного общения: *Schmusekater*, *Knutschibär*, *Kuschelmaus*. Часто подобные элементы становятся частью зооморфизмов, обозначающих крупных животных и адресуются мужчине. Такая словообразовательная операция одновременно меняет характер референта, превращает мужчину, большого и сильного во внешнем мире (*Bär*, *Tiger*), способного постоять за себя в жизни, в

плюшевую игрушку, абсолютно укрощенного, усмиренного любимой женщиной "ласкового и нежного зверя" (*Kuschelbär, Knutschibär, Kosebärchen, Kuscheltiger, Knuddeltiger*), сосредоточенного на интимных действиях (*Bumsebärchen*) и т.д. Нередко отглагольная морфема в составе сложного вокатива используется и для индивидуальной характеристики партнера, выводит на передний план его специфические черты, особенности личности или поведения: *Brummbärchen* (ворчливый мишка), *Grinsebär* (хитро улыбающийся мишка), *Hoppelbär* (мишка-попрыгун). При всех индивидуальных характеристиках ядром семантической структуры таких вокативов остается сема "большой, сильный, но безобидный зверь".

Такую же функцию индивидуальной характеристики партнера выполняют **отыменные** морфемы, уникализирующие его метафорическое название: *Chaosbär* (беспорядочный мишка), *Bussibärchen* (ласковый мишка, любящий поцелуи), *Flauschbärchi* (мягкий мишка), *Glücksbärchi* (мишка, приносящий счастье), *Fratzmaus* (мышка-шалунья). При назывании партнера именем небольших малопрятных животных или насекомых детерминирующим элементом часто становится "приятный" отыменной компонент *Zucker-, Gold-, Herz-,* "улучшающий" общее значение слова до наивысшей степени: *Goldkäferchen, Herzkäferchen, Honiglaus, Honigmaus* и под.

Среди фаунонимов-комполит встречаются специфические вокативы, в основе которых лежит метонимический перенос *pars pro toto*, - лексемы, называющие часть животного - его лапку, хвост, ухо или даже зуб: *Hasenpfötchen, Hasenöhrchen, Hasen-/Mausezähnenchen, Hasenzeh, Mausechwänzchen, Mauseherzchen, Mausefüßchen, Mausebeinchen, Igelschnäuzchen* и под. Трудно найти рациональное объяснение такому необычному выбору лексемы для называния любимого человека (как правило, женщины). Вероятно, одной из причин может быть стремление влюбленного мужчины стать быть большим и сильным, чтобы защищать свою избранницу от всех жизненных невзгод и напастей. В этом случае женщина рассматривается как объект защиты и заботы, маленькое беспомощное существо, вызывающее

бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность. В использовании таких вокативов проявляется та самая "бесконечная метонимия" нежности, когда "каждая часть тела любимого, даже до крайности неуловимая (чуть выщербленный зуб, прядь волос и пр.), вызывает изумление и обожание" [2, с. 172].

В группе зоометафор следует выделить еще одну подгруппу составных вокативов, обозначающих странных животных, "невиданных зверушек": *Hasibär/le*, *Mausebär/chen/le* и т.п. Их достаточно много, за ними, как правило, стоит нечто интимное, специфически кодированное в языке каждой отдельной пары. Названные выше вокативы констатируют наступление в жизни влюбленного референта фазы укрощенности его дикой и агрессивной природы (*Bär, der ganz lieb und kuschelig wie ein kleines Häschen ist; Bär, der klein und hilflos wie eine Maus ist*). "Гибридный" вокатив *Mauseschnuckelchen* объединяет в одной единице качества, наиболее важные для влюбленного в партнере - мягкость и покладистость (*Schnuckelchen*), с одной стороны, и беззащитность маленького животного (*Maus*), с другой. Наличие таких слов доказывает мысль о том, что частный код влюбленных представляет собой "языковое месиво", "область смятения, где языка одновременно оказывается и слишком много и слишком мало" [2, с. 278]. Необходимость выразить много смыслов в краткой форме заставляет влюбленных искать нешаблонные, неконвенциональные средства вербальной ласки.

Наблюдения показывают, что при создании сложных ласкательных вокативов проявляется весь творческий потенциал пользователей языка. Все названные выше семантические группы корневых ласкательных вокативов легко "скрещиваются" между собой, образуя новые лексические единицы индивидуального использования, своего рода авторские неологизмы. Наиболее популярными определяющими компонентами в таких новообразованиях являются лексемы *Glücks-*, *Herz-*, *Engels-*, *Gold-*, *Honig-*, *Liebes-*. Они сочетаются с элементами из разных семантических групп, называющих части тела (*Engelshaar*, *Engelsauge*, *Honigmäulchen*), обыденные предметы

объективной реальности (*Goldstück, Goldfederchen*), названия кондитерских изделий (*Glückskekchen, Honigkuchen*), названия сказочных персонажей (*Glücksprinz, Herzkönigin*), названия животных (*Goldspatz, Engelmaus*) и др. "Эмоциональный паводок", захлестывающий влюбленных, приводит к значительному увеличению эмоционально-оценочной «плотности» ласкательных вокативов [3, с. 150]. Речь идет о некой конвергенции эмоционально-оценочных элементов в рамках одной лексической единицы, дублирующих друг друга, интенсифицирующих содержание вокатива (*Herzgoldkirsche, Mondscheinengel, Goldplätzelperlchen, Hasiputzischatzimausi, Leckersüßehonigkuchenmirabelle*), что говорит о недостаточной эмотивности любого элемента для адекватного выражения сиюминутной эмоции.

Отдельно следует сказать несколько слов о непостижимой для восприятия внешнего наблюдателя группе ласкательных вокативов на основе слова, использующегося в "нормальной" жизни для стилистически маркированного (грубого) обозначения громких выделений газа кишечника: *Pup(s)* с вариациями *Pupsi, Püpschen, Hasenpfurz/-pups (Hasipups), Knuddelpups, Pupsmaus/-bär*. Первоначально эта лексема использовалась как ласкательный вокатив только по отношению к грудным детям, неспособным сознательно регулировать собственную физиологию. Далее произошел, очевидно, метонимический перенос - с действия, непроизвольно совершаемого младенцем на самого младенца. На основе этого переноса возникла прочная когнитивная связь между словом и образом крепкого, пухлого розовощекого малыша (в этом значении слово было заимствовано русским языком, ср.: *пупс (пупсик, пупсёнок)* - *кукла в виде маленького голого ребенка*). И далее уже на основе этого нового (пока еще не зафиксированного словарями) значения происходит следующий этап в развитии семантики вокатива *Pups* - метафорическое название любимого человека, представляемого существом, нуждающимся в заботе. В использовании такого странного варианта ласкательного имени в очередной раз проявляется факт "слепоты" любви: мозг влюбленного человека теряет способность к критическому анализу окружающей действительности. Он

буквально все видит "через розовые очки" и очень эмоционально реагирует на все, что ему нравится, не замечая того, что раньше вызывало у него неприязнь или даже отвращение. И естественно, наиболее интенсивно это проявляется в том случае, если рядом с ним оказывается объект его обожания. Поэтому следует просто акцептировать наличие таких вокативов и подивиться фантазии и силе воображения влюбленных, для которых даже физиологические подробности деятельности организма получают определения с наивысшей степенью положительной оценки: *Honigpupserchen, Schatzipupsi*. Ведь важно, что такие вокативы выполняют свою главную - эмотивную - функцию и выражают ласку, нежность, симпатию по отношению к именуемому, а их внутренняя форма становится практически не востребуемой (как и в вокативах, акцентирующих отрицательно оцениваемые "нормальными" людьми особенности внешности и характера как *Dickerchen, Brummel, Flusspferd*).

В заключение следует сказать о группе вокативов, не поддающейся классификации, словах с индивидуальной историей. Степень оригинальности при придумывании индивидуальных ласкательных вокативов различна и зависит от словотворческих способностей и умений именуемого. Здесь встречаются как непроемные слова, так и слова, образованные при помощи суффиксов или словосложения: *Schadibu, Schmüderli, Fui, Pip, Bobole, Nanu, Ladli, Mimeli, Sputz, Glogu, Knutschiwutschi, Knuddelmuddel/-wuddel, Knuffelpuffel, Utzibutzi* и т.п. Расшифровать эти слова невозможно, они бессмысленны. Они возникают *ex nihilo* и являются либо результатом сильного эмоционального возбуждения именуемого, который не удовлетворяется сравнением любимого человека с милым животным, ангелом или золотым слитком. Вербальная любовь облекается в этом случае в форму некоторого ряда звуков, которое нам напоминает общение с детьми ("сюсюканье"). Либо новое имя дается ситуативно с опорой на какой-то известный только влюбленным факт, остающийся тайной для окружающих. Примером такого тайного вокатива могут служить примеры *Taf-Taf* - акроним восторженного *die tollste aller Frauen*, или *LoWu* - аббревиатура вокатива *Lockenwürmchen*.

Заключение. Изложенное выше показывает, что ласкательные вокативы представляют собой специфический элемент частного языкового кода влюбленных, они являются символами любви и интимности. Основанием для их появления являются эротические переживания, связанные с сексуальным влечением, благожелательность и заботливость в отношении к партнеру, нежная романтичность и благоговение, восхищение и самозабвенное любование партнером. Являясь своего рода золотыми ключами к миру, где существуют только двое и где всё пропитано неповторимой атмосферой и уникальными ритуалами, ласкательные вокативы облачаются в необыкновенно трогательные формы, понятные и приятные близкому человеку. При их создании используется все богатство словотворческого потенциала языка, приводятся в действие механизмы создания метафорических и метонимических образов, которые "украшаются" специфическими словообразовательными элементами и соединяются в многочленные композиты для повышения степени эмоционального воздействия на адресата. Так незелегантный на первый взгляд элемент словаря влюбленных ("телячьи" нежности) в определенных коммуникативных условиях становится очаровательным, игривым и оригинальным. Безусловно, частный словарь пары не ограничивается ласкательными вокативами, он включает еще много других достижений семантики любви (например, обозначения и выражения, позволяющие влюбленным тайно выражать мысли), которые должны стать предметом рассмотрения в следующих публикациях автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995. 767 с.
2. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999. 215 с.
3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: ВГУ, 1987. 192 с.
4. Leisi E. Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 S.

5. Schneider M. Liebe und Betrug: Die Sprachen des Verlangens. München/Wien: Carl Hansen, 1992. 500 S.